

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
3 (66)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД
1 9 5 8

БОРЬБА С РАБСТВОМ-ДОЛЖНИЧЕСТВОМ В ВАВИЛОНИИ И ПАЛЕСТИНЕ

Статья посвящается славному юбилею академика
В. П. Волгина, вся научно-исследовательская и научно-
организационная работа которого содействовала процветанию
советской исторической науки.

Катастрофически развивается рабство-должничество в южном Междуречье на рубеже III и II тысячелетий до н. э.¹ О рабстве-должничестве, этой самой жестокой форме эксплуатации бедняка, сказал яркие слова Ф. Энгельс в своем классическом труде „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, повествуя о том, какова была светлая заря цивилизации у афинского народа.² Энгельс установил основные вехи пути развития, который привел в конце VII в. до н. э. представителей сельских общин Аттики к продаже своих детей и к самопродаже: „Появившаяся частная собственность на стада и роскошную утварь вела к обмену между отдельными лицами, к превращению продуктов в товары. И в этом — зародыш всего последующего переворота. Лишь только производители перестали сами непосредственно потреблять свой продукт, а начали отчуждать его путем обмена, они утратили свою власть над ним. Они уже не знали, что с ними станет. Возникла возможность использовать продукт против производителя, для его эксплуатации и угнетения“.³ Превращение продуктов в товары и власть продуктов-товаров над их производителем, а затем появление всеобщего товара — денег, представляющих новую общественную силу, — все это должно было оказать сильнейшее воздействие на население южного Междуречья. В особенности же тяжело и болезненно отозвалось господство этих новых экономических явлений на представителях аморейских племен, сравнительно недавно вышедших из условий древнего родо-племенного строя и попавших в качестве завоевателей в среду рабовладельческого общества, созданного шумерийской и аккадской народностями. Попав в неизвестные им до того условия товарного производства и денежного

¹ Всемирная история, т. I, 1955, стр. 216 и 292—293.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1948, стр. 114.

³ Там же, стр. 115.

хозяйства, имевших для них последствием страшное рабство-должничество, они начинают фетишизировать созданные ими же самими документы ставшего столь недавно им знакомого свирепого долгового права, как „долговое обязательство“ или „документ о кабале“. Эта фетишизация нашла, как я полагаю, свое яркое выражение в весьма своеобразной формулировке статьи 117 законов царя Хаммурапи, статьи, являвшейся наиболее, казалось, действенной мерой, преследующей смягчение бесчеловечного долгового права: об. стор. III: ⁵⁴šumma a-wi-lam ⁵⁵e-'il-tum ⁵⁶iš-ba-zu-ma ⁵⁷aššat-zu mâr-su ù mâr-at-zu ⁵⁸a-na kaspim id-di-in ⁵⁹ù lu a-na ki-iš-ša-a-tim ⁶⁰it-ta-an-di-in ⁶¹šattam III ^{kam} ⁶²bît ša-a-ma-ni-šu-nu ⁶³ù ka-ši-ši-šu-nu ⁶⁴i-ip-pi-šu i-na ni-bu-tim ⁶⁵ša-at-tim ⁶⁶an-du-ra-ar-šu-nu ⁶⁷iš-ša-ak-ka-an.

К сожалению, все известные мне переводы только что приведенной статьи законов Хаммурапи не могут быть признаны удовлетворительными, поскольку они не объясняют без остатка все те трудности, которые таятся в тексте статьи. В связи с историей интерпретации статьи 117 законов Хаммурапи надлежит отметить, что исследователи данного текста до 1939 г. не видели никаких затруднений в ее понимании.¹ Так, например, в известной книжке В. Эйлерса „Стела законов Хаммурапи“, изданной в 1931 г., дан следующий безоговорочный перевод указанной статьи 117: „Если гражданина долговое обязательство захватило и он свою жену, своего сына или свою дочь [поэтому] продал или для заложничества отдает, то они обслуживают в течение трех лет дом их покупателя или их залогохозяина, в четвертом году их освобождение устанавливается.“²

В 1939 г. появилось исследование двух специалистов в области древневосточного права Драйвера (Driver) и Майлза (Miles), посвященное изучению статей 117, 118 и 119 законов Хаммурапи и отметившее вполне закономерное своеобразие некоторых моментов трех названных статей законодательного памятника великого вавилонского царя.³

В том же 1939 г. А. Пёбель (А. Pöebel) пытался в своем очерке грамматики аккадского языка установить сущность одной из глагольных форм, встречающихся в статье 117, а именно формы it-ta-an-di-in.⁴ Названную глагольную форму, правда, стремился определить уже в 1936 г. Гётце (А. Goetze),⁵ но, как мы увидим ниже, его определение

¹ Правда, следует указать, что интерпретация тесно связанных со статьей 117 статей 118—119 законов Хаммурапи также связана, как мы увидим ниже, с некоторыми затруднениями.

² W. Eilers. Die Gesetzesstele Chammurabis. Das Alte Orient, Bd. 31, H. 3/4, Leipzig, 1932, стр. 32.

³ Driver G. R. and Sir John Miles. Code of Hammurabi, §§ 117—119. Symbolae ad jura orientis antiqui pertinentes Paulo Koschaker dedicatae, Leidän, 1939, стр. 65 сл.

⁴ А. Pöebel. Studies in Akkadian Grammar. 1939, стр. 44.

⁵ А. Goetze, Journ. of the American Oriental Society, 1936, v. LVI, стр. 322. Эти наблюдения вкраплены в большое исследование на стр. 297—331 казанного тома журнала. Данное исследование содействовало установлению перфектума в аккадском языке (см. ниже, стр. 14).

оказалось неточным. В 1948 г. было опубликовано Т. И. Миком (Th. J. Meek) новое толкование статей 117, 118 и 119 свода законов Хаммурапи, использовавшее результаты вышеприведенных исследований.¹

Наконец, в 1952 г. В. Зоден (W. von Soden) издал свою грамматику аккадского языка, которая на основании учета всего засвидетельствованного материала максимально уточняет фонетическую характеристику различных глагольных форм, встречающихся в древневавилонских текстах.²

К сожалению, известные мне переводы законов Хаммурапи последних лет не учитывают вышеприведенные исследования 1939 и 1948 гг. и дают поэтому интерпретацию важнейших статей 117, 118 и 119 свода законов вавилонского царя, соответствующую по существу той интерпретации, которую предложили в свое время Шейль, Винклер и т. д.³

Обращаясь теперь к моей интерпретации статей 117—119 законов Хаммурапи, я буду исходить из тех наблюдений, которые были сделаны при изучении этих статей древневосточного свода законов выше названными исследователями. Основной из данных трех статей является первая — статья 117, которая содержит наиболее эффективное постановление против рабства-должничества среди прочих древних законодательств, направленных на борьбу с злоупотреблениями ростовщиков. Дело в том, что статья 117 законов Хаммурапи является одним из наиболее сильных аргументов в пользу утверждения проф. Я. М. Магази-

¹ Theophile J. Meek. A new interpretation of the code of Hammurabi §§ 117—119. Journ. of eastern Studies, 1948, т. VII, стр. 180 сл.

² W. von Soden. Grundriss der akkadischen Grammatik. Analecta, Orientalia, Bd. 33, Roma, 1952.

³ Так, например, в полезном пособии „Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства“, подготовленном И. М. Дьяконовым совместно с профессором Я. Н. Магазинером, дан перевод статей 117, 118 и 119 по старинке, без учета наблюдений, сделанных авторами вышеуказанных статей 1939 и 1948 гг. [Вестник древней истории (ВДИ), 1952, № 3, стр. 240]. Во введении к этому переводу „Законов Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства“ И. М. Дьяконов ссылается на перевод Т. Миком законов Хаммурапи, включенный в американское издание Притчарда (1950 г.), которое охватывает переводы всех известных нам древневосточных законов (ВДИ, 1952, № 3, стр. 199). К сожалению, это издание мне было недоступно, так как оно, согласно сообщению, данному мне любезно И. М. Дьяконовым, пропало после 1952 г. в ленинградском книгохранилище — Библиотеке АН СССР, которое его выписало. По старинке переводит также Иосиф Клима статьи 117, 118 и 119 законов Хаммурапи на стр. 59 своей полезной в других отношениях монографии „Zakony Chamurapiho“ (Прага, 1954). Автор названной монографии мог по-новому подойти к определению глагольных форм §§ 117, 118 и 119, так как к его услугам были наблюдения над глагольными формами древневавилонского языка, собранными в грамматике аккадского языка В. Зоден, опубликованной в 1952 г. Правда, уже А. Унгнад [A. Ungnad. Byblonisch-Assyrische Grammatik. München 1926. (В дальнейшем: Ungnad. Grammatik)] установил основание для правильного определения формы ittandin, основного затруднения для интерпретации статьи 117 законов Хаммурапи, но тогда на установление Унгнада не было обращено должного внимания.

нера, что „законы Хаммураби о ростовщичестве представляют собой наиболее далеко идущую попытку ограничения ростовщичества, какая только была возможна для деспотического государства, не идущего на риск самоуничтожения“.¹

Как мы увидим ниже, интерпретация статьи 117 представит немало филологических затруднений, но в начале первой части она не содержит для исследователя, указывавшего на условия данного постановления, никаких грамматических неясностей. Точный ее перевод гласит: „Если ² мужа ³ долговое обязательство ⁴ схватило ⁵ его“. Вынесение прямого дополнения „мужа“ на первое место перед подлежащим „долговое обязательство“ предложения было, конечно, обусловлено тем, что на него падало особое ударение.⁶ Текст статьи тем самым подчеркивал, что решение закона, зафиксированное в ней, имеет силу лишь по отношению к полноправному вавилонскому гражданину,⁷ но отнюдь не к так называемому „мушкену“, который хотя и являлся свободным и принадлежал к классу рабовладельцев, но был тем не менее ограниченным в своих гражданских правах.⁸

¹ ВДИ, 1952, № 3, стр. 283.

² Строго говоря, следует перевести: „предположено“ (см.: A. Ungnad, Grammatik, § 32, d).

³ В переводе слова awilam, а тем самым и во всей первой части так называемой „протасис“ статьи 117 законов Хаммурапи допущена досадная неточность в ВДИ (1952, № 3, стр. 240, прим. 1). В указанном примечании дается дословный перевод начала статьи 117: „Если человек — долг (e'ilum) схватил его“. Подобный перевод является неправильным, так как слово „человек“ стоит в данном контексте не в именительном падеже — „awilum“, а в винительном — „awilam“.

⁴ Это слово (e'iltum) вряд ли можно перевести как „долг“, следуя переводу в ВДИ (1952, № 3, стр. 240, прим. 1). Дело в том, что долг сам по себе не мог захватить человека, а лишь обязательства, связанные с долговым документом, т. е. долговое обязательство. Согласно П. Кошакеру, в его „Babylonisch-Assyrisches Bürgschaftsrecht“ (Leipzig—Berlin, 1911 стр. 131), указанный термин обозначал документ, устанавливавший личную ответственность должника своим телом за просроченный долг. Безольд (С. Bezold. Babylonisch-Assyrisches Glossar. Heidelberg, 1926, стр. 4в) приводит словоупотребление данного термина и как „документ“.

⁵ В целях точной передачи вавилонского текста я перевожу претерит, т. е. глагольную форму, характерную для вводной части статей законов Хаммурапи, русским прошедшим временем, а не настоящим или будущим, как это до сих пор имело место в наших переводах семитических законов южного Междуречья. Мое предположение является тем более мотивированным, что по существу вавилонское župhta не соответствует нашему „если“ — союзу, стоящему в начале условного придаточного предложения с глаголом в настоящем или будущем времени.

⁶ Ungnad, Grammatik, § 66, с.

⁷ Я уже в двадцатых годах высказывал положение, что awilum — „муж“ в законах Хаммурапи обозначал полноправного гражданина. То же самое утверждает Эйлерс (Eilers) в своем переводе законов Хаммурапи, изданного в 1931 г., а Мик (Т. I. Meek, Journ. Near. East. Studies, V, 1946, стр. 66, прим. 19) видит в awilum — seignior.

⁸ К положению „мушкену“ см.: Всемирная история, т. I, стр. 296. Здесь дано примечание И. М. Дьяконова, являвшимся одним из редакторов первого тома, что

Мы видим, таким образом, что первая часть начала статьи 117 действительно не содержит никаких затруднений со стороны грамматики. Недоумение же двух выше названных английских ученых, Драйвера и Майлза, в их исследовании, посвященном статьям 117—119 законов Хаммурапи, было обусловлено необычной связью глагола „схватывать“ с именем существительным „обязательство“ (obligation). Они указывают на то, что „глагол, для которого e'iltum является подлежащим, а именно iṣbazu «схватил» является странным (peculiar), ибо нормально он требует конкретное подлежащее, в то время как имя существительное здесь абстрактное“.¹ Пример подобного „нормального“ словоупотребления ṣabātu — „схватывать“ авторы находят в статье 151,^{31, 43, 51}, где подлежащим указанного глагола выступает bēl ḫubullim — „владыка процентного долга“, который схватывает своих должников, как задолжавшего мужа, так и задолжавшуюся жену.

Вместе с тем надлежит подчеркнуть, что глагол ṣabātu по отношению к должнику имеет, согласно свидетельству некоторых древневавилонских писем, вполне определенное значение — задержание его, очевидно, для представления суду. Таким примером является следующее письмо: „Так [сказал] ты: «Он имеет на нем серебро». Что касается Шамашдаяна, на котором он имеет серебро, [то] там, где ты его увидишь, схвати его и свидетелей представь ему. Не опускай свою руку [т. е. не будь небрежным]!“.²

Авторы также отмечают словоупотребление ṣabātu как захват личности должника для передачи его суду.³ Тем не менее они полагают, что в статьях 117 и 119 подобное значение ṣabātu не применимо, ибо в таком случае „скорее заимодавец, нежели e'iltum, был бы подлежащим глагола iṣbazu“. Поэтому они предлагают, что ṣabātum здесь применено метафорически к обязательству, как в другом месте — к болезни.⁴

Но данное предположение обоих авторов является вряд ли приемлемым, поскольку глагол „схватывать“ в вавилонских текстах отнюдь

мушкену являлись лицами, связанными с царским хозяйством. Это положение он развивал в ВДИ (1952, № 3, стр. 266). Оно опровергается письмом [сановника царства Мари Бахдилима, сообщавшего, что наводнение затопило некоторую часть земли, принадлежавшей мушкену, но не затронуло полей дворца. Из этого письма Бахдилима следует, стало быть, что мушкену не сидели на земле дворца, т. е. на царской земле (см.: J. R. Kupper. Correspondance de Bahdi-Lim, т. VI. Serie Archives Royales de Mari, Paris, 1954, № 3, строки 8—10 лицевой стороны и 1—2 оборотной стороны)].

¹ G. R. Driver and J. Miles, ук. соч., стр. 66.

² A. Ungnad. Babylonische Briefe aus der Zeit der Hammurapi-Dynastie. Leipzig, 1914, № 125²¹⁻²⁸. (В дальнейшем: Ungnad, ВВ).

³ Драйвер и Майлз (Driver and Miles, ук. соч., стр. 67, прим. 11) ссылаются на результаты изысканий двух других исследователей.

⁴ Там же, стр. 67 (со ссылкой в прим. 12 на тексты, в которых различные болезни выступают подлежащим глагола ṣabātu).

не метафорически применяется по отношению к болезни. Дело в том, что для вавилонца болезни являются такими же олицетворениями злых сил, как и любой демон. Так, например, в одном из вавилонских магических текстов заклинаются наряду со злым Утукку, Лабарту, Лабасу и другими демонами также и болезнь сердца, болезнь живота, болезнь головы и болезнь зубов.¹ Наряду с болезнями мог „схватить“ человека и „страх“, который в сознании вавилонцев имел, очевидно, свое олицетворение, подобно „панике“ у греков. Кроме „страха“, и „голод“, согласно свидетельству текстов, „схватывал“ человека,² но и „голод“ представлялся вавилонцу в виде олицетворенной злой силы, так как он „поднимался“ подобно мечу, диким зверям и чуме, чтобы уменьшить число людей.³

Надо полагать поэтому, что и e'iltum — „долговое обязательство“ в представлении составителя статей 117 и 119 являлось олицетворением злой силы, угнетавшей людей и, следовательно, перед нами — та фетишизация, о которой я выше говорил (см. стр. 7). Действительно, формулировка начальных строк статей 117 и 119, в которых действующим лицом выступает долговое обязательство, а должник — страдающим, являет собой любопытную аналогию для „товарного фетишизма“, о котором говорит Маркс, отмечая, что продукт человеческого труда, становящийся товаром, „превращается в чувственно-сверхчувственную вещь“.⁴ Маркс отмечает, что товарная форма, выражающаяся в отношении стоимостей продуктов труда, — „лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами“. Для нахождения аналогии этому следовало бы, согласно Марксу, „забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. Такую же роль в мире товаров играют продукты человеческих рук“.⁵ Отмеченная мною своеобразная формулировка статей 117 и 119, выставленная действующей силой не самого человека, а правовое обязательство, гесп. документ, зафиксировавший последнее, дает мне основание утверждать, что во время правления Хаммурапи долговые обязательства, будучи продуктами деятельности людей, тем не менее стали представляться самостоятельными существами, одаренными собственной волей и собственным разумом. Хаммурапи и его советники в деле создания его свода законов могли легко найти аналогию для своего осознания

¹ В. Meissner. *Babylonien und Assyrien*, Bd. II. Heidelberg, 1925, стр. 222.

² См. к применению глагола „схватывать“ в связи со „страхом“ и „голодом“. С. Bezold, ук. соч., стр. 234а.

³ В. Meissner, ук. соч., Bd. I, 1924, стр. 424.

⁴ К. Маркс. *Капитал*, т. I. Изд. 5-е, М., стр. 30.

⁵ Там же, стр. 32.

правового обязательства, обратившись к области религиозного мира, которая для них, представителей первой из докапиталистических формаций, была областью еще далеко не „туманной“, а областью вполне конкретной и реальной для их мировоззрения. Они же почитали статуи богов в святилище храмов, идола, созданные человеческой рукой, но тем не менее они видели в них существа, обладавшие и разумом и волей, властвующие над людьми и стоящие в определенных отношениях друг к другу.

Подобная фетишизация сделки долгового обязательства, или документа, фиксирующего ее, являлась, как я уже выше указал, результатом ознакомления амореев области Вавилон с бесчеловечным долговым правом страны, в которой они волей судьбы оказались. Они здесь с ужасом узнали о существовании принудительного взыскания долгов вплоть до превращения свободного человека, имевшего несчастье стать должником, в жалкого раба. Дальнейшее изучение текста статьи 117, а также статей 118 и 119 докажет с еще большей убедительностью наличие фетишизации долгового обязательства со стороны составителей свода законов Хаммурапи. На самом деле подобное отношение к правовому документу выявит со всей определенностью правильное решение вопроса о том, кто же был действующим лицом при продаже или отдаче на отработку долга жены и детей должника. Надлежит, правда, подчеркнуть, что вопроса о действующем лице при продаже жены и детей должника до сих пор не существовало. Все исследователи без какого-либо колебания полагали, что сам должник продавал своих членов семьи.¹ Вопрос ставился некоторыми исследователями лишь по отношению к действующему лицу при отдаче на отработку долга жены и детей должника. Тем не менее вопрос должен быть поставлен и относительно действующего лица при продаже семьи должника.

Дело в том, что отождествление должника с продавцом его жены и детей сталкивается с трудностями как грамматического, так и юридического характера. Первое затруднение обусловлено переменной подлежащего в изложении статьи без какого-либо указания в дальнейшем тексте на это обстоятельство. В законах же Хаммурапи появление нового подлежащего может быть установлено или по данным осмысления контекста, или по прямому указанию. Так, в статье 102 мы читаем, что „купец (тамкар) разносчику (шамаллум) деньги для... дал, там, куда он отправился (т. е. шамаллум), он потерпел неудачу, (то) капитал² купцу возвращает“. Перемена подлежащего устанавливается здесь и общим контекстом и положением шамаллума, который, согласно свидетельству статьи 100, отправлялся в путь, а тамкар оставался на месте.

¹ Для примера см. хотя бы перевод Эйлерса статьи 117, приведенный мною выше (стр. 3—4).

² Буквально „голова серебра“, т. е. „капитал“.

Я позволю себе привести еще пример перемены подлежащего в статье 124. Мы читаем здесь: „Если муж (другому) мужу серебро, золото или другую какую-либо вещь перед свидетелями на хранение отдал (и) он ему (это) отрицал“. Для каждого читателя текста статьи является очевидным, что отрицал факт сдачи перечисленного добра не тот, кто сдал добро на хранение, а тот, кто его принял на хранение.

Нет надобности, я полагаю, в приведении еще других примеров подобного рода среди статей законов Хаммурапи.¹ Изучающий законы вавилонского царя с этой точки зрения легко убедится, что можно без какого-либо колебания установить перемену подлежащего во всех статьях, где это имело место. Как общий контекст, так и прямые указания дают возможность отметить перемену подлежащего, что же касается статьи 117, то мы не находим в ней никаких данных, свидетельствующих о перемене подлежащего первых ее вводных строк.

Таким образом, из данных самого текста статьи 117 нельзя сделать вывод, что „должник“, являвшийся дополнением во вводном предложении статьи,² стал бы в следующем соподчиненном предложении подлежащим, превратившись из лица страдающего в лицо действующее. Против подобного предположения говорит также и существенный юридический момент. Дело в том, что должника статей 117 и 119 уже „захватило“ долговое обязательство, потому что он, очевидно, просрочил время возвращения долга. Тем самым он попадал в иное положение, чем то лицо, „на котором“, согласно терминологии статей 48, 151 и 152, „долг (*ḫubullum*) существует“, т. е. обычный должник. „Долг“ (*ḫubullum*) в статье 151 не „схватывал“ человека, а „схватывал“ его сам „хозяин его долга“ (*bēl ḫubullišu*).

Согласно статье 48, „муж, на котором существовал долг“, продолжал обрабатывать свое поле и платил сам проценты за долг своему заимодавцу. Согласно статье 152, муж и жена, „на которых установился долг“, сами удовлетворяли требования заимодавца. Согласно статье 113, „муж, который имеет на другом муже зерно или серебро“, тем не менее не имеет права без разрешения на то своего должника взять зерно из его житницы или его кладовой. Стало быть, человек, взявший заем, сохранял свою гражданскую действительность, если он не просрочил момент возвращения долга, обусловленный заемной сделкой. Мужа же, пропустившего срок возвращения взятой в долг суммы, „схватывало“ долговое обязательство, и он переставал быть для общества действительным лицом. Дело в том, что *ṣabātu* — „схватывать“ — в качестве юридического термина было связано с задержанием, арестом захваченного

¹ Ср. примеры подобного рода в статьях 9, 17, 20, 35, 60, 65, 66, 146—149, 162—164, 165, 175, и т. д.

² Надежит отметить, что слово „муж“ в статьях 117 и 119 поставлено в винительном падеже в противоположность статье 148, в которой „муж“, являющийся должником, поставлен в именительном падеже. Об этом см. ниже (стр. 11).

лица. Так, составитель одного из писем династии Хаммурапи, перечислив список своих „судей“, жалуется: „В воротах Арарру он схватил меня, ввел меня и запер“.¹

Вполне понятно, что лицо, подвергнутое подобному аресту, лишалось тем самым свободы своих действий и задержавшие узурпировали право его распоряжаться своим имуществом, как об этом свидетельствует одно из древневавилонских писем. В нем его автор сообщает своему адресату, что некий Варадилишу, которому он дал для передачи третьему лицу две трети мины серебра, указанную сумму не передал, поэтому составитель письма обратился к адресату со следующим требованием: „Схвати Варадилишу! Серебро и его доход, большой и малый, заставь его взвесить! Из этого 14 сиклей твоего серебра возьми! Остаток пришли мне“.² Приведенный текст письма на самом деле свидетельствует о том, что „схваченное“ лицо теряло свое право распоряжения своим имуществом и что этим правом завладел тот, кто его „схватил“.

Надлежит еще особо отметить, что составитель письма непосредственно перед своим требованием к адресату схватить названного Варадилишу подчеркивает, что „две трети мины серебра я имею на Варадилишу“. Подобная формулировка применяется в законах Хаммурапи по отношению к должнику, как это мы выше видели, например, в 113 статье: „Если муж на муже зерно или серебро имеет“. Следовательно, можно Варадилишу рассматривать в качестве должника и тем самым аргументировать с помощью приведенного письма в пользу положения, что „схваченный“ долговым обязательством не мог выступать в качестве действующего лица. Поэтому в статье 115 не должник передавал заимодавцу своего члена семьи в качестве заложника, а сам заимодавец „его [т. е. должника] заложника брал в залог“.³

Подводя итог всему выше сказанному, надлежит сделать вывод, что муж, которого схватило долговое обязательство в статьях 117 и 119 не мог выступать в качестве действующего лица, а в таком случае оставалось, казалось бы, единственным предположением, что в статьях 117 и 119, подобно статьям 114 и 115, действующим лицом является сам заимодавец. На самом деле, вполне допустимым являлось а priori предположение, что не кто иной как заимодавец в статьях 117, 118, 119 продавал или отдавал в кабалу жену и детей или рабов „мужа“, которого захватило долговое обязательство.

¹ Ungnad, BB, № 92₁₁₋₁₂. См. там же письмо № 125, упомянутое мною в прим. 2 на стр. 7, о том, что заем сам по себе не лишал должника гражданских прав, а предполагал лишь его долговое обязательство (см.: Driver and Miles, ук. соч., стр. 67).

² Ungnad, BB, № 126, 27—33.

³ См. также статью 114: „Если муж на муже зерно или серебро не имеет, его заложника взял себе в залог“.

Но это, казалось бы, столь вероятное предположение отпадает теперь, как я полагаю, после нового и вполне убедительного истолкования глагольной формы *ittandin*, которая связана в статьях 117 и 118 с термином *kiššatum* — „кабала“. ¹ До 1939 г. в переводах статей 117 и 118 глагольная форма *ittandin* интерпретировалась как медиальная форма основной породы, т. е. так называемая форма „1₂“ или „Gt“. ² В 1939 г. была опубликована выше названная работа А. Пёбеля, посвященная исследованиям в области аккадской грамматики. ³ В одном из этих исследований он обратил внимание на интерпретацию глагольной формы *ittandin* статей 117 и 118, так как его не удовлетворяло обычное возведение ее к форме 1₂, т. е. к медиальной форме основной породы. Его не удовлетворяла также и аргументация Гётце ⁴ в пользу подобного истолкования глагольной формы *ittandin*. Последнюю Гётце возводил к первоначальной форме *intaddin* и указывал на то, что удвоение среднего радикала было впоследствии заменено диссимиляцией путем назализации. ⁵ Пёбель же подчеркнул, что диссимиляция „dd“ в „nd“ не засвидетельствована в языке эпохи династии Хаммурапи. ⁶ Поэтому он видит в *ittandin* претерит формы IV₂, т. е. второй формы страдательного залога от глагола *nađānu* — „давать“, ⁷ и переводит как „он был отдан“. ⁸ Предложенное Пёбелем истолкования *ittandin* осталось почти незамеченным, ⁹ так как слишком укрепилось в сознании исследователей старое осмысление указанной глагольной формы. Мы выше видели, что переводы законов Хаммурапи и 1952 и 1954 гг. прошли мимо наблюдения, которое сделал Пёбель уже в 1939 г. Настолько убедительным казалось старое толкование *ittandin* — „он отдан“, что даже Драйвер и Майлз, посвятившие в 1939 г. специальное исследование статьям 117—119, ¹⁰ не сочли нужным поставить вопроса о значении *ittandin*, усматривая в этом, очевидно, ненужную трату времени. Гётце же, будучи знакомым с наблюдением Пёбеля 1939 г., продолжал еще в 1948 г. настаивать на ста-

¹ В строках 60 и 70 III столбца оборотной стороны стелы законов Хаммурапи.

² Пёбель (Pöebel, ук. соч., стр. 43) приводит еще толкование этой глагольной формы, как 1₃, т. е. расширенную через n-медиальную форму основной породы.

³ См. прим. 4 на стр. 4.

⁴ A. Goetze. Journ. of the American Oriental Society, v. LVI, 1936, стр. 322.

⁵ ZA, стр. 322 и прим. 86.

⁶ Pöebel, ук. соч., стр. 42.

⁷ Там же, стр. 43.

⁸ По своему значению, как известно, страдательный залог и его медиальная форма полностью совпадают.

⁹ Мик (Meek) в своем исследовании 1948 г (см. прим. 1 на стр. 5) указывает на стр. 181b на то, что он „всегда“ интерпретировал *ittandin* как претерит IV₂. К этому утверждению он прибавляет: „Я недавно открыл, что Пёбель интерпретирует это таким же образом.“

¹⁰ Оно названо в прим. 3 на стр. 4.

ром толковании ittandin и пытался опровергнуть новое толкование.¹ Полностью признал справедливость истолкования Пёбелем глагольной формы ittandin Мик в своем вышеуказанном исследовании 1948 г. „Новая интерпретация кодекса Хаммурапи §§ 117—119“.² Автором обстоятельно изучены глагольные формы, а также термины, встречающиеся в изучаемых им статьях. На основании результатов их изучения, он заканчивает свою работу переводом трех названных статей.

Надлежит тем не менее отметить, что в исчерпывающем, казалось бы, изучении глагольной формы ittandin упущен все же один, по моему мнению, существенный момент, а именно: оставлен без внимания вопрос о возможности описки в написании указанной глагольной формы. На самом деле вопрос о возможности подобной описки должен быть поставлен интерпретатором глагольной формы ittandin, так как текст стелы законов Хаммурапи, а также дошедших до нас копий на глиняных табличках являлся, к сожалению, не всегда безупречным. Вместе с тем надлежит в извинение резчиков, увековечивших законы великого царя на вечном камне, указать на то, что описки в громадном большинстве были обусловлены сходством некоторых клинописных знаков друг с другом, содействовавшим их смешению. Так в §§ 34 и 111 были смешаны между собой похожие знаки „di“ и „ki“, в §§ 47, 120 и 229 — „lu“ и „ku“, а в § 47 — еще „su“ и „zu“, в § 63 — „ša“, и „na“, в §§ 111, 140 и 254 — „ni“ и „kak“, и т. д. К опискам подобного рода принадлежит и замена знака „ša“ знаком „ta“, которая имеет место в ряде статей. Между прочим, знак „ša“ заменен „ta“ в статье 171 в глагольной форме iš-ša-ak-ka-an, превращая тем самым требуемый контекстом страдательный залог в неуместный здесь действительный.³ Надлежит отметить, что в подобном же контексте статья 117 дает правильную форму iššakan, а это говорит в пользу тщательности того резчика, которому была поручена работа над столбцом, включавшим текст статей 117—119.

Обращаясь теперь непосредственно к вопросу о возможности описки в глагольной форме it-ta-an-di-in статей 117 и 118, следует признать, что единственной допустимой опиской в этом конкретном случае была бы замена знака „an“ знаком „ad“. При предположении подобной описки имела бы в первоначальном тексте изучаемых статей глагольная форма ittaddin, т. е. претерит, расширенной через „n“ медиальной

¹ Мик (Меек, ук. соч. стр., 181) приводит частное сообщение Гётце, в котором последний указывает на два довода, противоречащие, по его мнению, интерпретации, которую предложил Пёбель. Я ниже коснусь этих аргументов.

² См. прим. 1 на стр. 5.

³ Эйлерс в своем переводе свода законов Хаммурапи, отметив на стр. 41, прим. 1, повторение сохранившимися двумя копиями § 171 данной описки оригинала, приходит к весьма отрицательной оценке значения этих копий для критики текста стелы законов вавилонского царя.

формы основной породы¹ глагола *paḏānu* — „давать“ — „он дал“. Но предположение о замене резчиков знака „ad“ знаком „an“ является весьма невероятным, если мы примем во внимание резкое графическое отличие между двумя названными знаками. Правда, в статье 120 знак „lim“ заменен в слове *a-wi-lim* — „человек“ далеким от него в графическом отношении знаком „lum“, но такая описка была обусловлена наличием слова *awilum* — „человек“ в одной из предшествующих строк текста.² Глагольная форма *ittandin* не имеет в окружающем контексте статей 117 и 119 графически близкую ей форму глагола *paḏānu*, а поэтому и этот аргумент в пользу описки отпадает. Если же мы примем во внимание, что *ittandin* включено в текст как статьи 117, так и статьи 118, нельзя считать, что резчик, увековечивший на стеле это слово, мог совершить ошибку.

Рассеяв таким образом сомнения в отношении чтения интересующего нас *ittandin*, остается теперь проверить правильность интерпретации его, сделанной Пёбелем в 1939 г. на основании достижений последних лет в области изучения аккадского языка. Учитывая результаты новейшего известного мне исследования аккадского глагола,³ надлежит признать, что они, по существу, подтверждают правильность наблюдения Пёбеля. На самом деле устанавливается, что глагольная форма *ittandin* выражала страдательный залог, являясь перфектом IV породы⁴ или претеритом расширенной через „n“ медиальной формы IV породы глагола *paḏānu* — „давать“.⁵ Выбирать между перфектом и претеритом не приходится, ибо в контексте статей 117 и 118 может быть речь лишь о претерите, но не о перфекте.⁶

Стало было, *ittandin* означало: „он был дан“ „он был отдан“;⁷ установив для себя бесспорность данного его значения, я могу поставить теперь перед собой вопрос о грамматическом подлежащем пассивной глагольной формы *ittandin*. В известной специальной литературе пытались уже ответить на этот вопрос и Пёбель и Мик, но их ответы,

¹ См.: Soden, ук. соч., табл. 22 глагольных парадигм.

² Унгнад в своей транскрипции законов Хаммурапи (J. Kohler und A. Ungnad. *Hammurabi's Gesetz*, Bd. II. 1909, стр. 13, прим. 5) отмечает замену „lim“ знаком „lum“ в статье 7: „lum“ является ошибкой каменотеса, обусловленной частым упоминанием *a-wi-lum*».

³ Это исследование включено в грамматику аккадского языка Зодена (см. прим. 2 на стр. 5).

⁴ Перфект установлен в аккадском языке сравнительно недавно. Одним из исследователей, способствовавших его установлению, был Гётце в своей работе, названной в прим. 5. на стр. 4.

⁵ Soden, ук. соч., табл. 22 глагольных парадигм.

⁶ О претерите в предложениях после *šumma* см. Soden, ук. соч., § 161, d, стр. 212 и § 80, стр. 104—105 (о перфектуме).

⁷ Медиальные формы IV породы по своему значению не отличаются от основной формы IV породы. См.: Ungnad, *Grammatik*. 2-е изд., München, 1949, §§ 41 и 42.

по моему мнению, не решают указанной проблемы. На самом деле не может не вызвать сомнения утверждение Пёбеля, что подлежащим *ittandin* является прямое дополнение предшествующей глагольной формы *iddin*. Для большего удобства критического рассмотрения предложенного Пёбелем решения вопроса о подлежащем *ittandin* — „он был отдан“ я приведу целиком его перевод начала статьи 117: „Если муж влез в долги и поэтому продал свою жену, своего сына или свою дочь, или же если (его жена, его сын или его дочь) была отдана в кабалу“.¹ Этот перевод начала статьи 117 не может быть принят ввиду того возражения, которое уже было выдвинуто мной в связи с вопросом о подлежащем предшествующей *ittandin* глагольной формы *iddin*. Дело в том, что и интерпретация Пёбеля предполагает перемену подлежащего, а на подобную перемену, как я выше отметил, дает указания в статьях законов Хаммурапи дальнейший их текст. Я тщательно искал таких указаний, решая вопрос о подлежащем глагольной формы *iddin*, и теперь не могу найти их при определении подлежащего, связанного с *ittandin*. Наоборот я устанавливаю в дальнейшем тексте 117 статьи моменты, явно противоречащие переводу Пёбелем начальных строк статьи.

Действительно, в следующих строках статьи мы читаем: „3 года дом покупателя их или закабалителя их они обслуживают; на четвертый год свобода их будет установлена“. Мы видим, стало быть, что дальнейший текст статьи вполне последовательно отмечает множественное, а не единственное число членов семьи, которые продавались или отдавались в кабалу: „покупатель“ называется не „покупатель ее“, а „покупатель их“, „закабалитель“ не „закабалитель ее“, а „закабалитель их“; не „она будет обслуживать“, а „они будут обслуживать“, не „свобода ее“, а „свобода их“ будет установлена. Что же касается перевода Пёбелем начала статьи 117, то, согласно ему, для кабалы не „они были отданы“, а „она была отдана“.

Если же, действительно, имела место перемена подлежащего и в качестве последнего вместо должника стали бы выступать жена и дети должника, то несомненно составитель текста статьи отметил бы эту перемену множественным числом соответствующей глагольной формы и вместо *ittandin* — „он был отдан“ стояло бы *ittandinū* — „они были отданы“.

Определение подлежащего, предложенное Пёбелем для пассивной глагольной формы *ittandin*, не удовлетворяет и Мика. Он также указывает на то, что следует отождествить подлежащее для *ittandin* с подлежащим для *iddin*,² т. е. отказывается от предложения перемены подлежащего. Подлежащим же как активной формы *iddin*, так и пассивной

¹ P o e b e l, ук. соч., стр. 44.

² M e e k, ук. соч., стр. 182а.

ittandin, является, согласно его утверждению, тот „муж“, которого схватило долговое обязательство. Исходя из данного предположения, Мик дает следующий перевод статьи 117: „Если обязательство вступает в силу против сеньора и таким образом продал [услуги] своей жены, своего сына или своей дочери, или же он был обязан служить, они будут работать [в] доме своего покупателя, или хозяина обязательства в течение трех лет, а свобода их восстанавливается в четвертый год“.¹

Стало быть, согласно приведенному переводу статьи 117, сам должник должен был отрабатывать свой долг в доме заимодавца, и Мик, автор перевода, даже полагал, что тем самым его интерпретация статьи заслуживала предпочтения перед всеми другими, так как наличие в нем условия закабаления самого должника находилось, по его мнению, в полном соответствии с правовыми навыками того времени. Я же полагаю, что именно момент наличия в статье 117, при интерпретации Мика, условия закабаления самого задолжавшегося главы семьи не может не вызвать сильнейшего сомнения в закономерности интерпретации названного ученого.

На самом деле Мик не обратил в достаточной степени внимания на факт борьбы законодательства Хаммурапи с рабством-должничеством, грозившим лишить его армию большого количества воинов.² Поэтому законы царя преследовали цель спасти самого главу семьи, являвшегося воином ополчения, от кабальной службы в хозяйстве ростовщика, предоставляя последнему для отработки долга труд членов семьи должника. Об этом свидетельствует не только статья 117, но и ряд других статей свода законов вавилонского царя. Так, в статьях 114 и 115 отмечается, что „муж“, имеющий на другом „муже“ „зерно или серебро“, „его заложники забирал в залог“. Случай же захвата самого задолжавшего главы семьи в качестве заложника указанными статьями не предусматривался.

Неопровержимо, как я полагаю, доказывает стремление законодательства Хаммурапи охранить главу семейства от кабальной службы статья 116. Это не менее яркое свидетельство, нежели статья 117, о борьбе великого царя за ограничение ростовщичества. Содержание статьи 116 следующее: „Если заложник умрет в доме своего залогодержателя вследствие побоев или истязаний, то, по изобличении хозяином заложника своего тамкара [т. е. заимодавца], если [это] сын мужа, должно предать смерти его сына, если [это] раб, он должен уплатить треть мины серебра и потерять все, данное ему взаймы“.

¹ Меек, ук. соч., стр. 183б,

² О борьбе законов Хаммурапи с рабством должничеством см.: В. В. Струве. История древнего Востока. М., 1941, стр. 98 сл.; Я. М. Магазинер, ВДИ, 1952, № 3, стр. 280 и 282 сл.; Всемирная история, т. I, стр. 296 сл.

Из текста статьи следует с несомненностью, что самому домохозяину не грозила участь „заложника“ в доме своего заимодавца, ибо в статье идет речь о возможности смерти вследствие дурного обращения не его самого, а членов его семьи, как свободных, так и не-свободных. В статье же 229 и 230, связанных с применением закона талиона, ответственность за деяния главы семьи несут не только члены его семьи, но и он сам: „Если строитель, построив мужу дом, не укрепит свою работу, так что дом, который он построил, обвалится и причинит смерть хозяину дома, то этого строителя должно предать смерти. Если он причинит смерть сыну хозяина дома, то сына этого строителя должно предать смерти“.

Следовательно, в данных двух статьях предусматривается ответственность за свои деяния и самого главы семьи, и она была бы, наверное, предусмотрена и в статье 116, если закон царя Хаммурапи разрешал бы применение жестокого долгового права по отношению к полноправному вавилонскому гражданину, бойцу его ополчения. Очевидно, статьи 114, 115, 116 и 117 свода законов Хаммурапи свидетельствуют об освобождении царем самого главы семейства от кабальной службы в хозяйстве своего заимодавца¹ ради сохранения военной мощи вавилонского государства.

Но не одни статьи свода законов царя Хаммурапи свидетельствуют о данной победе, одержанной на фронте борьбы с рабством-должничеством. О ней красноречиво свидетельствует и тот факт, что среди частноправовых документов времени Хаммурапи и его ближайших преемников отсутствуют долговые записи, требующие отработку со стороны не одних только членов семьи, но и самого задолжавшегося главы семьи.²

В Ларсе, в столице противника Хаммурапи эламтянина Римсина, дело обстояло иначе, нежели в современном ему вавилонском государстве. Документы из Ларсы свидетельствуют о безраздельном господстве ростовщиков, добывавших себе рабов в своем родном городе среди своих же граждан.³ Правда, Мик указывает, что в древнеавилонских сделках имеются примеры долговых записей, в которых требовалась кабальная служба в хозяйстве заимодавца и со стороны самого

¹ Статья 54, правда, допускает возможность продажи и самого главы семейства, если последний своим небрежным отношением к ирригационным сооружениям приво-дил к гибели урожая целого комплекса полей. В таком случае его имущество и его самого продавали, а полученные деньги делили между собой его пострадавшие соседи. Данное постановление статьи 54 рассматривают Драйвер и Майлз (Driver and Miles, ук. соч., стр. 75) „в качестве наказания за преступления, а не в качестве обратного получения долга“.

² Driver and Miles, ук. соч., стр. 74.

³ См.: В. В. Струве, ук. соч., стр. 98; Всемирная история, т. I, стр. 292 сл.; Driver and Miles, ук. соч., стр. 74.

2 Палестинский сб., вып. 3

должника, но все эти документы восходят не к вавилонскому государству, а к Ларсе времени Римсина.¹

Я прихожу, таким образом, к выводу, что в Вавилонии времени Хаммурапи и его ближайших преемников полноправный гражданин, впавший в задолженность, был защищен от кабальной службы в хозяйстве ростовщика, ссудившего его зерном или серебром.² Поэтому и интерпретация Мика 117, согласно которой сам должник отдавался заимодавцу в кабалу, для меня не является приемлемой. Тем более, что данной интерпретации противоречит и последующий текст статьи, определяющий ростовщика не как *kašiši-šu* — „закабалителя его“, а как *kašiši-šunu* — „закабалителя их“. Следовательно, отдавалось в кабалу не одно лицо, т. е. сам должник, а несколько лиц, т. е. члены семьи должника, которые, согласно предшествующему тексту, могли также продаваться и покупатель которых назывался *ša'āmānu-šunu* — „покупатель их“. Правда, Мик пытается устранить это затруднение для своей интерпретации статьи 117 предположением описки, заменой *šunu* — „их“ первоначального *šu* — „его“.³ Но надлежит признать, что введение резчиком лишнего знака в увековечиваемый им текст почти не встречается в надписи стелы законов Хаммурапи, а поэтому предположение Мика является весьма мало вероятным.

На основании всего выше сказанного в связи с вопросом о подлежащем пассивной глагольной формы *ittandin* — „он был отдан“, я имею право высказать положение, что его подлежащим не может быть „муж, которого схватило долговое обязательство“, т. е. сам задолжавшийся глава семьи. Само собой понятно, что подлежащим не мог быть в данном случае и ростовщик-заимодавец, а поэтому последний не мог быть подлежащим активной глагольной формы *iddin* — „он отдал“. Выше же я доказал, что подлежащим *iddin* — „он отдал“ не мог быть сам должник, поскольку „его схватило долговое обязательство“.

Если, таким образом, ни должник, ни заимодавец не могли быть подлежащим ни *iddin*, ни *ittandin*, остается единственная возможность отождествления подлежащего этих двух глагольных форм с подлежащим первого предложения статьи, а именно с *e'iltum* — „долговое обязательство“. Нас при этом не должно смущать то обстоятельство, что

¹ Мик (Meek, ук. соч., стр. 182а, прим. 15) ссылается на материал, собранный Драйвером и Майлзом (Driver and Miles, ук. соч., стр. 74), но этот материал целиком относится к Ларсе времени правления Римсина. Очевидно, Мик не мог найти среди документов из городов северной части южного Междуречья времени Хаммурапи долговые записи, подтверждающие его точку зрения.

² К такому же выводу пришли также Драйвер и Майлз (Driver and Miles, ук. соч., стр. 75), утверждающие, что в кодексе Хаммурапи не было предусмотрено условия, согласно которому должник отвечал бы „своей собственной личностью“ за ликвидацию задолженности.

³ Meek, ук. соч., стр. 182.

слово e'iltum — женского рода, а глагольные формы всех трех предложений имеют префиксы 3-го лица единственного числа мужского рода. Дело в том, что в древнеавилонском языке префикс 3-го лица единственного числа женского рода заменяется, как правило, префиксом 3-го лица единственного числа мужского рода.¹

На основании положения о тождестве подлежащего во всех трех предложениях начала статьи 117 надлежит перевести статью следующим образом: „Если мужа долговое обязательство схватило,² жену его, сына его или дочь его оно продало³ или за кабальную службу⁴ оно было отдано, три года дом покупателя их или закабалителя их они обслуживают, в четвертый год освобождение их устанавливается“.

Теперь мне остается объяснить причину того, что „долговое обязательство“ в третьем предложении статьи перестает быть „действующей силой“ и становится „страдающим“. Я предлагаю для данного явления следующее объяснение: в первом случае „долговое обязательство“, схватившее должника, не обеспечившего своевременную отдачу долга, продавало членов его семьи какому-нибудь лицу, нуждавшемуся в рабочей силе, и ростовщик получал тем самым на основании долгового обязательства немедленно отданную в долг сумму. Во втором же случае, когда члены семьи должника отдавались заимодавцу на три года в кабалу, „долговое обязательство“ не возвращало немедленно заимодавцу сумму долга. Последняя погашалась лишь после трехлетней службы жены и детей должника в хозяйстве кредитора. Поэтому необходимо было „отдать“ „долговое обязательство“ за другой документ, документ, предусматривавший отработку просроченного займа членами семьи должника „в доме своего закабалителя“.

Результаты изучения статьи 117 дают мне до некоторой степени возможность правильного понимания следующей статьи 118, которая по существу является продолжением статьи 117, поскольку в ней отсутствует обычное для статей законов Хаммурапи вступление. Так, я уже в моем истолковании первых трех строк статьи 118⁵ имею преимущество перед тем переводом этих строк, который был предложен Миком. Он дает следующий перевод начала статьи, единственной гла-

¹ Ungnad. Grammatik, § 31, c; Soden, ук. соч., § 75, h, стр. 99.

² Местоименный суффикс, приставленный к глагольной форме „оно схватило“ вследствие выделения прямого дополнения, не переводится.

³ Буквально „за деньги оно отдало“, а это выражение служит в законах Хаммурапи обозначением акта продажи. См. примеры, приведенные Унгнадом (Ungnad. Hammurabi's Gesetz. Bd. II, стр. 152a).

⁴ К значению термина kiššatum см.: Koschaker. Hammurapi-Studien. Leipzig, 1917, стр. 48, прим. 7; Bezold, ук. соч., стр. 151b.

⁵ III столбец оборотной стороны 68—70 стелы законов Хаммурапи.

гольной формой которого было *ittandin*, стоявшего интерпретаторам статьи 117 столь большого труда: „Если раб или рабыня для кабальной службы был отдан“.¹

Перевод Мика вызывает мое сомнение допущением перемены подлежащего в глагольной форме *ittandin*, хотя статья 118 является, как подчеркивает сам Мик, лишь подразделением предшествующей статьи 117.² На самом деле, в статье 117, согласно мнению Мика, подлежащим глагольной формы *ittandin* является сам должник, а в статье 118 ту же роль играет теперь раб или рабыня должника. Я же полагаю, что *ittandin* должно иметь и в той и другой статье одно и то же подлежащее, так как в тексте статей я не нахожу указаний на перемену подлежащего. Если таковым выступает в статье 117 „долговое обязательство“, то последнее играет ту же роль и в статье 118. Поэтому я перевожу начало названной статьи соответствующим образом: „Если [это] раб или рабыня,³ [а] оно [т. е. долговое обязательство] за кабальную службу было отдано.“⁴

Не меньшее затруднение для правильного понимания статьи 118 доставляет интерпретация глагольной формы *u-še-te-ik* в дальнейшем тексте статьи.⁵ Большинство из исследователей истолковывали эту глагольную форму как настоящее время от каузатива глагола *etequ* — „продвинуться“, „проходить мимо“,⁶ хотя уже в 1909 г. Унгнад определил эту глагольную форму в качестве претерита каузативной породы названного глагола.⁷ Мику надлежит поставить в заслугу приведение убедительной аргументации в пользу определения времени *ušetik* как претерита, а не как настоящего времени. Он в первую очередь указывает на то, что в *ušetik* не имеет места удвоение среднего ра-

¹ Меек, ук. соч., стр. 183b.

² Там же, стр. 182b.

³ Я нахожу аналогию для первой строки статьи 118 во второй части статьи 116 (III столбец оборотной стороны, строки 46—50): „Если (это) сын мужа, его [т. е. заимодавца] сына убивают; если это раб мужа, одну треть мины серебра он [т. е. заимодавец] выплачивает“.

⁴ Транскрипция первых трех строк статьи 118 *šum-ma wardum u lu amtum a-na ki-iš-ša-tim it-ta-an-di-in*.

⁵ Транскрипция последних трех строк статьи 118: *tamqarum u-še-te-ik a-na kaspim i-na-ad-din u-ul ib-ba-gar*.

⁶ См., например, истолкование этой глагольной формы в ВДИ (1952, № 3, стр. 240, прим.): „*ušetek*: эту форму следует понимать как Praesens-несовершенный вид; этот глагол не относится к условному предложению, где в языке этого времени ожидалась бы форма *ušetik*“. Надлежит к данному примечанию добавить, что характерным признаком для форм настоящего времени является удвоение среднего радикала.

⁷ См.: Унгнад, 1) *Hammurabi's Gesetz*, Bd. II, стр. 125b; 2) *Grammatik*, 2-е изд., § 30, стр. 39); здесь дается перевод контекста, в котором названная глагольная форма встречается. Правда, этот перевод не согласуется с тем переводом, который я предložу ниже.

дикала, которое наблюдается в древневавилонском языке в формах настоящего времени. Используя материал писем времени I вавилонской династии, Мик определяет настоящее время каузатива глагола *eteḫu* как *ušetek*, а претерит — как *ušetik*.¹ Написание же в статье 118 *u-še-te-ik*, а не *u-še-ti-ik* встречается иной раз и в формах претерита. Так, например, засвидетельствовано подобное написание претерита основной породы глагола *etēqu*: *e-te-ik* — „он продвинулся“.² Дальнейшему уточнению глагола *etēqu* в статье 118 содействовали Драйвер и Майлз, отметив, что *ušetik* в статье 118 является эллиптическим выражением для *adānam ušetik* — „он дал пройти времени, сроку“.³

Приняв данную интерпретацию значения *ušetiq*, я могу дать следующий перевод статьи 118 во всем ее объеме: „Если [это] раб или рабыня, оно [т. е. долговое обязательство] было отдано за кабальную службу и тамкар⁴ дал истечь сроку, [то] он продает [и] он [resp. она] не может быть требуем обратно“.

Срок, который подразумевается в статье, это, очевидно, тот промежуток в три года, который упоминается в предшествующей статье 117. В последней речь шла о свободных членах семьи, которые, согласно постановлению закона, должны были получать свободу после трех лет работы в доме заимодавца, так как они своим трехлетним трудом в хозяйстве ростовщика погашали задолженность главы своей семьи.⁵ Статья же 118 была посвящена кабальной службе раба или рабыни должника, которые своим трудом не отработывали сумму долга, а лишь проценты с нее. Поэтому заимодавец и имел право после трех лет кабальной службы раба или рабыни должника продать его или ее, если в течение трехлетнего срока он не получит обратно выданной в долг суммы серебра. Единственной льготой, предоставленной должнику по отношению к несвободным членам его семьи являлся запрет продажи их до срока, т. е. до истечения тех трех лет, которые являлись

¹ Меек, ук. соч., стр. 182—183а. См. также: Soden, ук. соч., табл. 17 глагольных парадигм.

² Ungnad, ВВ, № 222₁₃ и стр. 276.

³ Driver and Miles, ук. соч., стр. 72; Меек, ук. соч. стр. 183b. Мик полностью соглашается с Драйвером и Майлзом.

⁴ „Тамкар“ — „купец“ выступает в законах Хаммурапи в качестве типичного ростовщика; ср. хотя бы статьи 49 и 66.

⁵ Статья 117 законов Хаммурапи уничтожала по отношению к полноправным вавилонским гражданам то страшное кабальное холопство, которое свирепствовало у нас, в Московской Руси. Существование кабального холопства в парфянском обществе отмечает А. Г. Периханиян в своем исследовании „Рабовладение и землевладение в Парфии“ (ВДИ, 1952, № 4, стр. 25). Согласно свидетельству привлеченного автором документа из Дура-Европос, должник свершает у заимодавца рабскую службу „взамен процентов“ со взятых в долг серебра „вплоть до времени возвращения ссуженной ему суммы“.

пределом времени отработки в хозяйстве займодавца свободных членов семьи должника.¹

Право выкупа несвободного члена семьи и после указанного срока предоставлялось должнику лишь по отношению к той своей рабыне, которая родила ему детей. Подобный случай предусматривался в статье 119, которая повторяет, в противоположность статье 118, вступление статьи 117.² Результаты изучения последней статьи дают мне возможность перевести статью 119 без какого-либо дополнительного исследования: „Если мужа долговое обязательство схватило, его рабыню, которая детей ему родила, оно продало, серебро, [которое] купец³ уплатил, хозяин рабыни выплачивает [и] рабыню свою выкупает“. Статья, правда, касается лишь рабыни, проданной займодавцем немедленно после того, как долговое обязательство схватило должника. Тем не менее несомненно, что льгота, предусмотренная статьей, распространялась на рабыню, родившую детей своему хозяину, и в том случае, если долговое обязательство было отдано за документ о казначейской службе в доме займодавца.⁴

Я пришел к концу моего исследования статей 117—119, которыми Хаммурапи, как наиболее дальновидный представитель господствующего класса, стремился бороться с рабством-должничеством, этой страшной язвой, разъедавшей современное ему общество. Он надеялся нанести решающий удар рабству-должничеству включением в свой свод законов статьи 117, предусматривавшей запрет закабаления самого главы семьи и ограничивавшей работу свободных членов его семьи тремя годами в хозяйстве их покупателя или их закабалителя. Своеобразная формулировка этой статьи, а также тесно с ней связанных статей 118 и 119 свидетельствует о том, что эти статьи восходят, действительно, к законодательному творчеству самого царя, фетишизировавшего, подобно своим соплеменникам, документы свирепого долгового права Шумера и Аккада. За авторство самого Хаммурапи названных статей говорит и то обстоятельство, что в законах, предшествовавших времени правления Хаммурапи, не встречается столь радикального решения вопроса о рабстве-должничестве. Из этого факта, конечно, не следует делать вывода, что в законах царя Исина Липитиштара, лет на 150 более

¹ Надо полагать, что эта льгота распространялась и на тех рабов, которые продавались кредитором в тот самый момент, когда долговое обязательство „схватило“ его должника. Свободные члены семьи должника, „проданные долговым обязательством“, через три года работы в хозяйстве своего покупателя освобождались, а рабы должника могли в течение трех лет выкупаться своим хозяином. После трех лет последний терял это свое право.

² Для удобства читателя я даю транскрипцию и этой статьи: *šum-ma a-wi-laṅi e-'i-il-tum iṣ-ba-zu-ma amat-zu ša maimes ul-du-šum a-na kaspim it-ta-din kasap tamqarum iṣ-ku-lu be-el-amtim i-ša-ḳal-ma amat-zu i-pa-ṭar.*

³ В данном случае лицо, купившее у займодавца рабыню должника.

⁴ См. стр. 19.

древних, нежели свод законов Хаммурапи, нельзя было бы установить также попытки наступления на жестокое долговое право, созданное шумерийской и аккадской народностями. Дело в том, что при одной из интерпретаций и, как я полагаю, единственно правильной интерпретации статьи 14 законов Липитиштара,¹ историк получает в лице этой статьи свидетельство об одном из случаев некоторого ограничения права займодавца на отработку должником заемной суммы.

Статья 14 законов Липитиштара входит в текст таблички Ниппурского архива, который был издан задолго до установления принадлежности его к своду законов названного царя Исина.² Поэтому данная статья стала за истекшие почти 40 лет предметом неоднократного изучения, которое, правда, не внесло никаких изменений в самый текст статьи, предложенный в свое время в *editio princeps*. Шумерийский текст статьи гласит следующим образом: „tukum-bi arad-lú-ke, lugal-a-ni-ir nam-arad-da-ni ba-an-da-gur lugal-a-ni-ir nam-arad-da-ni a-rá-2-àm un-gi-en arad-bi al-búr-e.“³

В противоположность самому чтению текста статьи, интерпретация ее у различных исследователей далеко не совпадает.⁴ Резко отличается от предшествующих интерпретаций и последнее, известное мне истолкование статьи. Оно было включено в выше упомянутый русский перевод „законов Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства“.⁵ Переводчик, И. М. Дьяконов, дает следующую интерпретацию статьи: „Если раб человека для своего господина вернется в его рабскую службу [и] для своего господина его рабскую службу исполнит [?] вдвойне, [то] этого раба должно освободить“.

Автор перевода дополняет его примечанием, в котором он признает, что „смысл этой статьи темен“, а поэтому и прибавляет к своему истолкованию статьи некоторую разъяснительную аргументацию: „Наш перевод исходит из предположения, что раб исполняет службу за своего господина, попавшего в долговую кабалу. Эргативный падеж (падеж действующего лица переходного глагола) при слове „раб“ мы относим к глаголу ungen, а не к bandagur, который рассматривается нами как непереходный. Инфикс -nda- в глаголе bandagur должен относиться к слову nam-arad-ani(-e) (послелог -e(da), которое не может быть прямым дополнением.“⁶

¹ См.: F. R. Steele. The code Lipit-Ishtar. Amer. Journ. of Archaeology, 1948, t. LII, стр. 438, стлб. XIII₁₈ и стлб. XIV₄.

² Таблетка была издана Лутцем в 1919 г.: Lutz. Selected Sumerian and Babylonian Texts. Publications of the Babylonian Section. Museum of Pennsylvania. University, 1919, № 101.

³ Я следовал транскрипции, которую дал Стиль (Steele, ук. соч., стр. 438).

⁴ Они перечислены у Стиля (Steele, ук. соч., стр. 426).

⁵ ВДИ, 1952, № 3, стр. 221.

⁶ Там же, стр. 221, прим. 20.

Но приведенная аргументация не может содействовать подкреплению предложенного автором перевода. Дело в том, что последний встречает на пути своего признания следующие два непреодолимых препятствия, обусловленных требованиями шумерийской грамматики. Первым из этих препятствий является невозможность отрывать подлежащее с послелогом -е от первой глагольной формы, которая следует за ним, в данном случае от глагольной формы bandagur.¹ Вторым не менее непреодолимым препятствием является невозможность связать глагольную форму ba-an-da-gur с именем существительным nam-arda-da-pi — „рабство его“, ибо в таком случае инфикс da был бы соединен с показателем класса неодушевленных явлений -b-, а не с показателем класса одушевленных явлений -п.²

Поэтому на основании указанных соображений перевод, предложенный И. М. Дьяконовым, должен быть отвергнут, да и он сам, пожалуй, чувствовал неприемлемость своего перевода статьи 14 Липитиштара. По крайней мере он в примечании предлагает еще второй перевод статьи, исходя из предположения, что глагол „bandagur“ является переходным. „Если [кабальный] раб вернет [работой] своему господину [сумму задолженности] по его рабской службе [т. е. сумму, за которую отслуживает] и докажет, [что он вернул] сумму по рабской службе вдвойне, [то] этот [кабальный раб] должен быть освобожден“.³

Этот перевод, как указывает и сам И. М. Дьяконов,⁴ близок к переводу Стиля, открывшего науке свод законов Липитиштара. Точная передача перевода Стиля⁵ гласит следующим образом: „Если раб мужа возместил свое рабство своему господину и было подтверждено, что он возместил] своему господину вдвойне, тот раб должен быть освобожден“. Данный перевод не противоречит вышеприведенным требованиям шумерийской грамматики и он поэтому в основных своих чертах может быть принят, хотя он и требует, как я полагаю, некоторых уточнений.

В интерпретации статьи 14 свода законов Липитиштара, предложенной мной, я стремлюсь отметить те намеки на данную юридическую ситуацию, которые оформитель статьи, говоривший на семитическом языке, пытался выразить на мертвом уже в то время шумерийском

¹ См. в своде законов царя Липитиштара статьи 9, 18, 25, 28, 30, 34—37, а также примеры в надписях Гудеи: Статуя Д, 5₂₋₇, Цилиндр А, 2₂₄₋₂₅, 15₂₀₋₂₂ и т. д.

² К классу одушевленных явлений и к классу неодушевленных явлений см.: A. Deimel. Sumerische Grammatik. 2-е изд., Rome, 1939, стр. 60₅; A. Falkenstein. Grammatik der Sprache Gudeas von Lagas, Bd. I. Rome, 1949, стр. 70, 194; Bd. II, 1950, стр. 42 сл.; E. Sollberger. Le système verbal dans les inscriptions „royales“ présargoniques de Lagas. Genève, 1952, стр. 64.

³ ВДИ, 1952, № 3, стр. 221, прим. 20.

⁴ Там же, стр. 221—222, прим. 20.

⁵ Steele, ук. соч., стр. 438.

языке, изученном им во время учебы в писцовой школе: „Если раб мужа хозяину¹ своему рабство свое у него² возвращал,³ когда он хозяину своему рабство свое вдвойне установил,⁴ (то) раб этот освобождается“.⁵

Стало быть и Липитиштар, пятый царь династии Исина, решил бороться с жестоким долговым правом, рожденным в среде рабовладельческого общества Шумера и Аккада. Он упразднил статьей 14 своего кодекса закон о том, что должник своей работой, своим трудом в доме заимодавца возмещал последнему не сумму долга, а лишь проценты с нее. Подобным законом и была обусловлена вся бесчеловечность древнего долгового права южного Междуречья, превращавшая раба-должника в вечного раба, подобно рабу-военнопленному или рабу иноплеменнику, купленному в чужой стране. Очевидно, этот закон, не знавший жалости к бедным представителям своего же общества, родился в южном Междуречье во время III династии Ура, когда были забыты гуманные принципы законодательства Урнамму, основоположника династии,⁶ и появились документы о самопродаже и продаже родителями своих детей без ограничения времени. Очевидно, эти рабы могли себя выкупать лишь путем внесения той суммы, за которую они попали в кабалу, а не путем отработки долга своим трудом в хозяйстве заимодавца, погашавшим лишь проценты займа. Поскольку же у бедняка единственной собственностью была его рабочая сила, то и освобождение становилось для него недостижимым.

Липитиштар пытался статьей 14 своих законов сделать для бедняка, попавшего в долговую кабалу, освобождение реальностью; он издает постановление, согласно которому раб-должник, отработавший свой долг в хозяйстве заимодавца, становился свободным, если „он устано-

¹ Буквально „царю“, т. е. шумерийцы не делали отличия между отношением царя к подданному и отношением господина к рабу в противоположность семитам, отличавшим *šarru* — „царь“ и *bēl* — „господин“. Ср. отличие в греческом языке между *basileus* и *despotēs*.

² Я полагаю, что замена дательного падежа так называемым „комитативным“ падежом преследовала цель указать, что раб-должник „возвращал свое рабство“, т. е. отработывал свой долг, обусловивший его рабство в доме своего заимодавца.

³ Значение глагола *gug* как „возвращать“, отмечает, например, Делич (F. Delitzsch. *Sumerisches Glossar*. 1914, стр. 109).

⁴ A. Deimel. *Sumerisches Lexicon*, № 85, стр. 200. Деймель дает для *gi-en* значение „делать крепким“, „закреплять“.

⁵ Согласно А. Пёбелю (A. Pöebel. *Grundzüge d. Sumerischen Grammatik*. 1923, § 577, стр. 234), глагольный префикс *al* выражает „пассивный оттенок переходного глагола“.

⁶ О защите „мужа с одним сиклем“ от посягательства со стороны „мужа с 1 миной, т. е. с 60 сиклями“, декларированной законодательством Урнамму, см.: M. Lambert, *Rev. d'Assyr.*, t. 48, 1954, стр. 149; E. Szlechter. *Rev. d'Assyr.* t. 49, 1955, стр. 169 сл.

вил для своего хозяина свое рабство вдвойне“, т. е. если он своим трудом вдвойне вернул своему хозяину сумму своего долга, основания своего рабства. Статья 14 кодекса Липитишгара, отвергавшая закон о погашении трудом раба-должника в хозяйстве ростовщика одних лишь процентов займа, являлась несомненно смягчением старого долгового права, но, правда, не слишком значительным. Дело в том, что для определения момента, когда должник „устанавливал для своего хозяина вдвойне свое рабство“, использовался, очевидно, утвержденный законом и обычаем тариф поденной платы батрака, который, конечно, был чрезвычайно выгодным для заимодавца и мог отодвинуть срок освобождения бедняка, томившегося в кабальной неволе, на долгие годы. Поэтому Хаммурапи нанес долговому праву Шумера и Аккада неизмеримо более сильный удар, определив срок пребывания раба-должника в хозяйстве заимодавца не объемом работы, а определенным количеством лет (3 года). Тем не менее надлежит признать статью 14 кодекса Липитишгара предтечей статьи 117 свода законов Хаммурапи, поскольку обе статьи раскрывают исследователю вехи истории борьбы с рабством-должничеством, которая велась в южном Междуречье во время династии Исина и в начале I вавилонской династии, т. е. в первой четверти II тысячелетия до н. э.

Учитывая соотношение между данными статьями, не может не вызвать недоумения заявление Стиля в его комментарии к своду законов Липитишгара, что статья 14 последнего не имеет никакой аналогии со статьями кодекса Хаммурапи, несмотря на то, что названный американский исследователь находит в статье 14 определение условий, необходимых для приобретения рабом свободы.¹

Не заметив аналогии для статьи 14 законов Липитишгара в кодексе Хаммурапи, Стил не нашел аналогии для указанной статьи и в библейском законодательстве, хотя таковую он мог без труда установить среди постановлений библейского права, посвященных положению „рабов-евреев“. Действительно, под воздействием пророческого движения появляется в библейском законодательстве тенденция к смягчению долгового права. Уже к середине VIII в. до н. э. относится постановление, зафиксированное в книге Исхода 21₂₋₃ и входившее в состав собрания законов, которое было создано, по мнению ряда исследователей, в Израиле:² „Если купишь раба-еврея, пусть он работает [тебе] шесть лет, а в седьмой [год] пусть выйдет на волю даром. Если он пришел один, пусть один и выйдет, а если он женатый, пусть выйдет с ним и жена его“.

¹ Steele, ук. соч., стр. 447.

² См.: K. Budde. Geschichte der althebräischen Litteratur. Leipzig, 1909, стр. 96 сл. Автор, подобно многим другим, полагает, что Элохист сохранил это собрание законов (Исход, 21—23). Я считаю неуместным касаться в данном исследовании сложнейшей проблематики библейской критики.

Стало быть, законодательство Израиля, подобно законам Липитиштара и Хаммурапи, отменило постановление старого долгового права, согласно которому трудом кабального раба погашались одни лишь проценты с суммы займа. В противоположность статье 117 Хаммурапи законодательство Израиля допускало закабаление и самого должника наряду с его семьей. Надо полагать, что статья 14 Липитиштара предусматривала закабаление не только членов семьи, но и самого должника.¹

Дальнейшее смягчение долгового права было достигнуто библейским законодательством уже в иудейском царстве в результате реформ при царе Иосии, нашедших свое отражение в книге Второзакония. Здесь, в главе 15 (строки 12 сл.), дано развернутое постановление о рабах-евреях: „Если продается тебе брат твой, еврей или еврейка, то шесть лет должен он быть рабом тебе, а в седьмой год отпусти его от себя на свободу. Когда же будешь отпускать его от себя на свободу, не отпусти его с пустыми руками, но снабди его от стад твоих, от гумна твоего и от точила твоего!“.

Данное постановление иудейского законодательства конца VII в. до н. э. вносило существенное дополнение к закону Израиля середины VIII в. до н. э. об освобождении раба-должника. Иудейский закон времени царя Иосии требовал от заимодавца снабжения отпускаемого им на свободу кабального раба некоторым имуществом, чтобы спасти его от необходимости новой самопродажи. Статья 117 законов Хаммурапи не требовала подобного дополнения, поскольку она предусматривала сохранение свободы за главой семьи, который мог тем самым восстановить свое экономическое благополучие и предохранить в дальнейшем членов своей семьи от нового закабаления. В особенности же примечательным для настоящего исследования является аргументация Второзакония в пользу своего постановления об освобождении раба-еврея после шести лет кабальной службы в доме заимодавца. Оно подкрепляется (Второзаконие, 15₁₈) следующим соображением: „Не считай этого для себя тяжким, что ты должен отпустить его от себя на свободу, ибо он в шесть лет заработал тебе подобно вдвойне нанятому батраку“.

Второзаконие предоставляет таким образом историку любопытную аналогию к статье 14 законов Липитиштара, приравнив шестилетний труд еврея-должника в хозяйстве заимодавца труду „вдвойне нанятого батрака“. Если, согласно Второзаконию, 6 лет отработки закабаленного должника-еврея были для заимодавца равноценны „вдвойне нанятому батраку“, то, очевидно, обычный срок найма батрака соответствовал трем годам. На подобный срок указывало и свидетельство книги про-

¹ Это следует, по моему мнению, из той активности кабального раба, которая засвидетельствована в статье 14 Липитиштара.

рока Исайи, 16₁₄: „... в 3 года, подобно годам батрака, мощь Моава будет принижена“.¹

Невольно возникает догадка, что срок в 3 года, которыми была ограничена кабальная служба членов семьи должника в статье 117 законов Хаммурапи, стояла в какой-то связи со сроком найма батрака на 3 года. Возможно, что вавилонский законодатель приравнивал, подобно Второзаконию, труд членов семьи должника в доме заимодавца труду батрака, с той только разницей, что он не требовал от них шести лет работы, а лишь три года, и он поэтому приравнивал их труд не труду „вдвойне нанятого батрака“.² Требуя только 3 года работы в доме заимодавца от членов семьи должника, статья 117 царя Хаммурапи, очевидно, отождествляла их полностью с батраками, т. е. со свободными людьми и тем самым отвергала для них момент взимания процентов. В таком случае статья 117 вавилонского царя была бы более радикальной нежели законодательство о рабстве должничестве, приписываемое греческой традицией египетскому царю Бокхорису и оказавшее, согласно той же традиции, воздействие на законы Солона о долговом праве. Дело в том, что царь Бокхорис, если верить греческой традиции, разрешал брать проценты с суммы долга и запрещал заимодавцам лишь „увеличивать основную сумму долга через проценты более чем в 2 раза“.³ Возможно, что в данном постановлении законодательства египетского царя Бокхориса мы имеем аналогию для статьи 14 царя Исина Липитиштара.

Прослеженная мной борьба с рабством-должничеством, как в Вавилонии, так и в Палестине, не привела к прочным результатам, ибо, согласно логике развития классовых обществ, в рабовладельческих обществах древнего Востока имела место в конечном итоге победа класса крупных рабовладельцев. Победа же последнего повлекла за собой возрождение самого жесткого кабального рабства, превращавшего народ в массу потенциальных рабов-должников.

¹ См.: Mayer-Salzberger. The status of labor in ancient Israel. Philadelphia, 1923, стр. 33. По мнению автора, сроком найма батрака были, вероятно, три года.

² Л. А. Липин любезно согласился дать в связи с моим исследованием свои весьма ценные соображения, разъясняющие значение срока в 3 года, установленные статьей 117 для обработки долга главы семейства свободными членами его семья. Эта заметка будет напечатана в следующем номере „Палестинского сборника“.

³ См.: Диодор, История, I, гл. 79. Как известно, изложение Диодором истории Египта восходит к труду Гекатея Абдерита, автора, заслуживающего внимания.